

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И.В. Макаров

СПАРТАНСКИЕ ПАРФЕНИИ

О ранней истории Спарты нам известно так мало, что буквально каждый ее эпизод, хоть сколько-нибудь подкрепленный источниками, ценится на вес золота. История о «заговоре парфениев» относится именно к этой категории событий. Сюжет довольно прост. Во время Первой Мессенской войны (742–724) внутри гражданского коллектива спартанцев выделилась группа, статус членов которой был по тем или иным причинам понижен. Неравенство в правах в итоге привело к организации заговора, его провалу и выселению парфениев в Италию, в результате чего была основана заморская колония Спарта – Тарент.

Эта на первый взгляд незамысловатая история оставляет множество вопросов. Кем были парфении? Что послужило причиной заговора? Каков был его масштаб и кто, кроме организаторов, принимал в нем участие? Наконец, почему с заговорщиками поступили так мягко? Парфении были выселены для основания колонии, тогда как участники заговора Кинадона (398 г до н.э.) были попросту казнены (Xen. Hell. III, 3, 11).

На все эти вопросы однозначных ответов нет. Но, абстрагируясь от обилия спорных деталей, сквозь призму сюжета о «деле парфениев» можно рассмотреть контуры тех процессов, которые активно шли не еще в окрепшей социальной структуре спартанского общества в конце VIII в. до н.э.

* * *

Главным недостатком дошедшей до нас литературной традиции о «деле парфениев» является то, что уже сами античные авторы, по всей видимости, смутно представляли себе подробности описываемых событий. Так, Аристотель, передавая известные ему сведения о заговоре, отгораживается от самого слова «парфении» приставкой «так называемые» (οἱ λεγόμενοι). По его словам, парфении, происходившие от равных (ἰσοῖσι), были изобличены в заговоре против государства и отправлены в Тарент основывать колонию» (Polit. V, 5, 6,1).

Пожалуй, наиболее ранним из дошедших до нас свидетельств о «деле парфениев» является рассказ младшего современника Геродота, логографа V в. Антиоха Сиракузского, переданный Страбоном в его «Географии» (Strab. VI, 2). Антиох сообщает, что после начала Мессенской войны лакедемоняне объявили тех, кто не участвовал в походе, рабами и называли их илотами; всех детей, родившихся во время войны, они называли парфениями и объявили лишенными гражданских прав. Последние (а их было немало) не

потерпели этого и «устроили заговор против свободных граждан». Нападение было решено осуществить на празднике Гиакинфий в святилище Аполлона Амиклейского. Условный знак к началу избиения должен был подать некий Фаланф (считавшийся главой заговора), надев на голову кожаную шапочку (граждан можно было узнать по длинным волосам). Однако этот самый Фаланф, по словам Антиоха, оказался недоволен членами совета заговорщиков и выдал лакедемонянам план переворота. Когда игры уже начались, вышел глашатай и запретил Фаланфу надевать его шапку. «Одни заговорщики, поняв, что замысел их раскрыт, бежали, другие стали умолять о пощаде», — пишет Антиох. Граждане заключили их под стражу, а Фаланфа отправили в святилище бога вопрошать об основании колонии. Получив благоприятный оракул («Сатирион тебе дал и тучные нивы Таранта, / чтобы, там поселившись, стал ты грозой япигов»), Фаланф привел колонистов в Тарент, где их будто бы приняли варвары и критяне, владевшие этой областью (ibid.).

Страбон передает и другую, более подробную версию, почерпнутую им из рассказа Эфора (Strab. VI, 3). Согласно Эфору, лакедемоняне во время войны с мессенцами принесли клятву не возвращаться домой, пока не овладеют Мессеной или все не падут в бою. Однако на 10-м году войны лакедемонские женщины отправили к мужьям посольство, заявив, что при таком развитии событий, в отечестве скоро попросту не останется мужчин. Вняв доводам жен, спартанцы отправили домой самых сильных и молодых воинов, так как они не были связаны клятвой, принятой еще в детстве. Родившиеся от их союза с девушками дети, по версии Эфора, и получили имя парфениев. После окончания войны с Мессенией (через 19 лет после ее начала) спартанцы разделили ее территорию между собой. Однако «по возвращении они не дали парфениям одинаковых с остальными гражданами прав — как рожденным вне брака». Тогда парфении, объединившись с илотами (таким образом Эфор проводит четкое разграничение между парфениями, членами гражданского коллектива, и илотами. — *И.М.*), составили заговор против лакедемонян и сговорились поднять на рыночной площади лаконскую шапку как сигнал для нападения. Хотя жителям Лакедемона стали известны планы заговорщиков, они поняли, что ответить нападением будет трудно, так как «илоты были многочисленны и отличались единодушием, считая друг друга братьями». Лакедемоняне приказали тем, кто должен был подать сигнал, покинуть рыночную площадь. Увидев, что их заговор раскрыт, заговорщики воздержались от нападения; лакедемоняне же через отцов убедили их удалиться и основать колонию. В случае, если они не найдут удовлетворительного места, переселенцам будто бы позволялось вернуться и разделить между собой пятую часть Мессении. Так они выселились, пишет Эфор, и, застав ахейцев в войне с варварами, разделили с ними опасности войны, а затем основали Тарент (ibid.).

Возможно, на Эфора опирался при рассказе о парфениях и Юстин. По крайней мере на это указывает целый ряд контекстуальных совпадений. Однако у Юстина появляется и ряд интересных деталей (Just., III, 4). Начало рассказа полностью совпадает с версией Эфора. Вняв мольбам жен, лакедемоняне отпустили домой тех юношей, которые после клятвы пришли для пополнения войска. Отпущенным в Спарту разрешали вступать в супружеские отношения с женщинами, чтобы таким образом исправить демографическую ситуацию. «Родившиеся от них дети, в знак стыда матерей, названы были парфениями, или — в переводе на русский язык титулярного советника Семена Борзцовского — зазорными». По достижении 13-летнего возраста, опасаясь бедности («ибо ни у кого не было настоящего отца, от которого можно бы ожидать наследства»), парфении решили искать лучшей доли, уйдя из Отечества. Предводителем себе они избрали

Фаланфа, сына некоего Арата, который в свое время подал спартанцам мысль послать домой юношей для продолжения потомства. Не простившись с матерями, парфении отправились для отыскания нового дома и после долгих скитаний наконец прибыли в Италию. Здесь, взяв Тарентинскую крепость и изгнав прежних жителей, они и основали себе жилища. После смерти Фаланфу воздавали божественные почести.

Аллюзии на рассказанный сюжет можно найти и в более поздней традиции. В анекдотической форме о Фаланфе рассказывает Павсаний (Paus. X, 10, 6). Полибий, говоря о Локрах, вскользь упоминает о незаконном рождении основателей Тарента (Polyb. XII, 6 b, 5). Полиэн говорит об условном сигнале заговорщиков, но в его версии заговор был раскрыт и подавлен эфорами (Polyaen., II, 14, 2).

Два наиболее важных текста, помимо Антиоха и Эфора – это фрагменты из Феопомпа и Диодора. В них впервые появляются упоминания о загадочных эпевнактах. Феопомп рассказывает, что лаконцы, желая компенсировать тяжелые потери на войне; «возвели некоторых из илотов на брачное ложе (στῖβας) тех, кто погиб; а позже, сделав их даже гражданами, прозвали эпевнактами (ἐπεύνακται), потому что те были помещены на ложа вместо погибших» (Theop. ap. Athen., 271 c–d). Диодор связывает рассказ об эпевнактах с Фаланфом и парфениями (Diod., VIII, fr. 21). То же делает и Гезихий, давая такую ремарку: ἐπεύνακτοι – οἱ παρτηεῖαι, но ἐπεύνακται – οἱ συυκοῦνται («спальные друзья»). Традиция настолько прочно увязывает парфениев и эпевнактов, что это дает возможность предположить либо наличие между ними родственных связей (парфении могли быть детьми эпевнактов и потому оказаться урезанными в правах), либо общее их участие в заговоре¹.

Лексикон Лиддель–Скотта указывает на происхождение термина «эпевнакты» (οἱ ἐπεύνακτοι) от глагола ἐνβάζω ‘укладывать в постель’ (ἐννῆ – ложе)². Таким образом, эпевнакты – это «спальные друзья», наложники. Вместе с тем, по замечанию Л.Г. Печатновой, слово στῖβας в греческом языке не употребляется в значении ‘брачное ложе’, скорее это «походный тюфяк» – скромная и простая подстилка из соломы³. В этом случае выходит, что эпевнакты сменили хозяев не на брачном ложе, а в строю. Дабы не вносить излишней путаницы, авторы лексикона Лиддель–Скотта пишут просто: «были возведены на место хозяев».

Как бы то ни было, в данном случае мы наблюдаем повышение статуса определенной группы населения (илотов). Любопытный пассаж Аристотеля как будто подтверждает такую возможность: «При первых царях, – пишет он, – права гражданства давались и негражданам, так что в то время, несмотря на продолжительные войны, малолюдства не было» (Pol. II, 1270a 34–36). По замечанию Л.Г. Печатновой, здесь мы имеем дело с последним случаем наделения илотов гражданскими правами⁴. Это указывает на то, что в VIII в. грань между свободными и илотами еще не была так резко выражена. Традиция об эпевнактах зафиксировала важный момент – открытость спартанского общества для кооптирования в него различных социальных и национальных элементов, в том числе и илотов.

* * *

Дошедшая до нас литературная традиция о заговоре парфениев и основании Тарента неоднократно подвергалась самой беспощадной критике со стороны историков Нового времени. Главный тезис обвинения при этом был исключительно прост. Вот как его формулируют, например, авторы Кембриджской древней истории. Признавая, что Тарент был основан спартанцами и ойкистом при этом, возможно, был Фаланф (далеко

не все принимают и эти тезисы), они далее заявляют: «Детали повествования, рассказанные Антиохом и Эфором, попросту не заслуживают доверия и должны рассматриваться как этиологические попытки объяснить специфическое имя колонистов»⁵.

Нам представляется, что в имени парфениев нет ничего необычного. Лексикон Лиддель–Скотта, например, определяет их как детей незамужней девушки. То же значение мы находим в словаре Свида: парфении – это дети, «рожденные девицей до брака» (Suid. s. v.). Мы согласны с Л.Г. Печатновой: парфении – это вряд ли термин, скорее прозвище⁶. В любом случае нет никакой нужды объяснять его чересчур сложными теориями. Впрочем, гипотез, выдвинутых учеными Нового времени для трактовки имени основателей Тарента, предостаточно. Слово «парфении» предлагалось считать производным от имени Афины Девы; от парфиниев, иллирийского народа, жившего выше Эпидамна, или же от названия горы Парфениос в Аркадии. Высказывались мнения, что парфении – это ахейцы, бежавшие в Италию перед дорийским завоеванием, или часть местного населения япигов. Но эти гипотезы, на наш взгляд, сами порождают гораздо большее количество вопросов, чем данные традиции⁷.

Похоже, нет нужды и в том, чтобы отвергать традиционную датировку основания Тарента. Археологические находки лаконской керамики на территории Тарента относятся к последней четверти VIII в., что согласуется с традиционной датировкой Евсевия об основании города в 706 г. до н.э.⁸ Связь между Тарентом и Лакедемоном как будто подтверждается многими источниками. Так, в 362 г. Тарент обратился к Спарте за помощью в борьбе против луканов (Diod. XVI, 62; XIV, 70; Iustin, XX, 1). Дорийское происхождение Тарента подтверждается также тем, что и в Таренте, и в основанной им Гераклее говорили на дорийском диалекте. Кроме того, в Гераклее существовал эфорат. Еще одно забавное указание на связь Тарента и Спарты – переименование местной реки Галес в Эврот (Polyb. VIII, 33, 8).

Не раз подвергалась сомнению и историчность Фаланфа. Предлагались альтернативные варианты: мессапский герой, Посейдон, Аполлон Дельфийский, Аполлон Гиакинфий. Однако существование ойкиста Фаланфа опять-таки вполне можно допустить. Например, есть указания на то, что самые благородные из жителей Тарента в более позднее время назывались Фалантиадами.

* * *

Попытаемся подвести итог. Окончательно ответить на вопрос, кем были парфении, вряд ли возможно. Скорее всего, это незаконнорожденные дети спартанских граждан (возможно, их отцами были эпевнакты), пониженные в экономическом статусе. Бедность, возникшая из-за того, что их не допустили к разделу Мессенской земли (на что указывают, например, Антиох и Эфор, а также Аристотель, упоминающий в «Политике» о требованиях передела земли в это время (V, 6, 1306 b 29–1307 a)), подтолкнула парфениев к организации восстания, к которому примкнули илоты и, возможно, эпевнакты. Однако остается вопрос: почему после провала переворота с его участниками обошлись так мягко? Возможно, у заговорщиков был влиятельный заступник, выступивший посредником между ними и спартиатами.

Стоял ли кто-то за разговором парфениев? Есть версия, что эта роль принадлежала роду Эгеидов из Амикл⁹. Около 750 г. Амиклы были присоединены к Спарте в качестве пятой деревни. Согласно Аристотелю, кампанию против Амикл возглавил Тимомах, аристократ из рода Эгеидов (Arist. ap. Schol. Pind. Isthm. 7). Род Эгеидов, согласно традиции, имел фиванские корни. Во всяком случае Пиндар и Аристотель утверждали,

что Тимомах был фиванцем (Pind. Isthm. 7, 14–15; Arist. ap. Schol. Pind. Isthm. 7, 12–15 = fr. 532 Rose). По мнению Хаксли, в VIII в. Эгеиды были почти также сильны, как и спартанские цари¹⁰. Их «вотчиной», по-видимому, были завоеванные ими же Амиклы. Во время Гиакинфий, по свидетельству Аристотеля, здесь выносили для поклонения доспехи Тимомаха (ibid.), а Пиндар упоминает, что Эгеиды были жрецами Аполлона Карнейского (Pyth., 5, 68–76). В этом качестве они председательствовали в Амиклах во время Гиакинфий (любопытно, что в основанном переселенцами Таренте традиция зафиксировала культ Аполлона Гиакинфия (Pölyb. VIII, 30, 2)). Если верна наша традиция, называющая центром восстания Амиклы, то за заговором вполне могли стоять влиятельные Эгеиды¹¹. Таким образом, заговор парфениев мог оказаться одним из эпизодов борьбы за власть внутри спартанской элиты.

«Дело парфениев» обозначает границу эпох. Первоначальная мобильность спартанского общества с начала VII в. сменяется четкой стратификацией и закрытостью для пополнения извне, которая в итоге и приведет к олигантропии, погубившей Спарту. Рассмотренный нами сюжет показывает, насколько не соответствовал действительности миф об идеальной трехчастности спартанского общества (спартиаты, периеки, илоты). Социальные процессы в VIII в. были гораздо подвижнее, а структура общества – более сложной. Однако, начав подавление и вытеснение маргинальных групп, спартанское общество выбрало путь, который в итоге привел его к консервации и постепенному застою.

¹ Версию о том, что парфении – это дети эпевнактов, см., напр.: *Toynbee A. Some problems of Greek history. P. III: The rise and decline of Sparta. London, 1969. P. 217 f.*

² *Greek-English Lexicon by Liddell and Scott. Oxford, 1882.*

³ *Печатнова Л.Г. История Спарты. СПб., 2002. С. 296.*

⁴ Там же. С. 298

⁵ *The Cambridge ancient history. Vol. III. Pt. 3. Cambridge, 1982. P. 112.*

⁶ *Печатнова Л.Г. История Спарты. С. 295–296.*

⁷ Подробнее о различных гипотезах см.: *Berard. La colonisation greque de l'Italie Meridionale et de la Sicile dans l'Antiquite: l'Histoire et la legende. Paris, 1957. P. 167–168.*

⁸ *Lo Porto F.G. Topografia antica di Taranto // Atti del 10 Convegno di Studi sulla Magna grecia. Taranto, 1970. P. 356 f.*

⁹ Подробнее см.: *Huxley G. Early Sparta. London, 1962. P. 22 f.; Toynbee A. Some problems... P. 217 f.*

¹⁰ *Huxley G.L. Early Sparta. P. 22.*

¹¹ По мнению Хаксли, многие парфении и эпевнакты были тесно связаны с Амиклами и авторитетным там родом Эгеидов. Эпевнакты в его версии – недавно превращенные в илотов жители ахейских Амикл. Эгеиды же, по предположению Хаксли, пришедшие в Лаконию вместе с Гераклидами, в своих интересах поддерживали миниев, эпевнактов и парфениев, боровшихся за гражданские права (*Huxley G. Early Sparta. P. 37*). Таким образом, – заключает Л.Г. Печтанова, – социальная проблема для Спарты была отягощена еще и национальной (*Печатнова Л.Г. История Спарты. С. 301*).